
*А. И. МАКУРИН**

ОЧЕРК АМЕРИКАНСКОГО ИНЖЕНЕРА ЛИНДОНА У. БЕЙТСА «РОССИЯ»

В статье представлен неопубликованный очерк «Russia», написанный американским инженером Л. У. Бейтсом в 1890-е гг. и адресованный министру путей сообщения М. И. Хилкову. Хранящийся в фондах Российского государственного исторического архива очерк представляет собой важный исторический источник, позволяющий увидеть нехарактерный для рассматриваемого периода взгляд рядового американца на Российскую империю конца XIX в. Бейтс – всемирно известный американский инженер и специалист по транспортным системам, который участвовал в строительстве трансконтинентальных железных дорог в США, а позже консультировал правительства Бельгии, Великобритании и России. Известен тем, что разрабатывал для российского правительства гидравлический земснаряд, испытанный на Неве.

Очерк Бейтса представляет собой попытку осмысления истории и геополитического положения России через сравнительный анализ с США. Автор доказывает, что Россия, в отличие от Америки, развивалась в неблагоприятных условиях: монгольское иго, отсутствие выхода к морям, многообразие языков и культур. Особое внимание Бейтс уделяет Транссибирской магистрали, которая, по его мнению, станет ключевым фактором экономического роста и превратит Россию в центр мировой торговли. Настоящая статья представляет собой публикацию оригинала очерка на английском языке с авторским переводом на русский язык.

Ключевые слова: Л. У. Бейтс, Транссибирская железнодорожная магистраль, США, образ России, Сибирь, транспорт, конец XIX в., русско-американские отношения, политика унификации, империя, национальное государство.

Поступила в редакцию: 12.02.2026

Принята к печати: 31.08.2026

DOI: 10.7868/S013008652603008X

*** Макурин Андрей Игоревич** – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН; доцент кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова. E-mail: aimdif@yandex.ru; ORCID 0000-0002-9448-5349.

Makurin Andrey I. – PhD (History), Docent, Department of World History, Saint Petersburg Institute of History Russian Academy of Sciences; Docent, Department of Social Sciences and Humanities, Saint Petersburg Conservatory named after N. A. Rimsky-Korsakov. E-mail: aimdif@yandex.ru; ORCID 0000-0002-9448-5349.

AN ESSAY BY AMERICAN ENGINEER LYNDON W. BATES "RUSSIA"

The article presents an unpublished essay entitled "Russia," written by American engineer L. W. Bates in the 1890s and addressed to Minister of Transportation M. I. Khil'kov. The essay, stored in the Russian State Historical Archive, is an important historical source that provides a glimpse into the unusual perspective of an ordinary American on the Russian Empire at the end of the 19th century. Bates was a world-renowned American engineer and transport systems specialist who participated in the construction of transcontinental railways in the United States and later advised the governments of Belgium, Great Britain, and Russia. He is known for developing a hydraulic dredger for the Russian government, which was tested on the Neva River.

Bates' essay is an attempt to understand the history and geopolitical condition of Russia through a comparative analysis with the United States. The author argues that Russia, unlike America, developed under unfavorable conditions: the Mongol yoke, lack of access to the seas, and a diversity of languages and cultures. Bates pays particular attention to the Trans-Siberian Railway, which, in his opinion, will become a key factor in economic growth and transform Russia into a center of world trade. This article is a publication of the original essay in English with the author's translation into Russian.

Keywords: Lindon W. Bates, Trans-Siberian Railway, USA, image of Russia, Siberia, transport, late 19th century, Russian-American relations, unification policy, empire, nation state.

В фонде 1101 «Документы личного происхождения, не составляющие отдельных фондов» РГИА хранится очерк, написанный американским инженером и предпринимателем Линдоном Уоллесом Бейтсом (Lindon Walles Bates, 1858–1924 гг.). Текст представляет собой машинописную рукопись на английском языке с отдельным титульным листом, на котором имеется заглавие "Russia". На титульном листе под заглавием стоит собственноручная подпись автора. Документ адресован князю М. И. Хилкову,¹ о чем также имеется собственноручная запись, сделанная Бейтсом.² В описании документ классифицирован как очерк и датирован 1890-ми гг. с указанием о том, что в нем содержатся сведения о Сибирской железной дороге. Однако в очерке Бейтс упоминает, что Филиппины «стали нашей новой зависимой территорией», а Южная Африка названа в числе территорий, которыми управляет Великобритания.³ Первое возможно только начиная с 10 декабря 1898 г. – подписания Парижского мирного договора между Испанией и США (когда Филиппины были уступлены США Испанией). Второе возможно ранее, если вести отсчет от первой Англо-Бурской войны, завершившейся в 1881 г. подписанием Преторийской

¹ Хилков, Михаил Иванович (1834–1909 гг.) – министр путей сообщения Российской империи в 1895–1905 гг.

² Очерк Бэтса (Bates) «Россия». Имеются сведения о Сибирской железной дороге. Машинописный. Английский язык (РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 948).

³ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 948. Л. 17.

конвенции, устанавливавшей контроль над внешней политикой Трансвааля со стороны Британской империи. Тематика очерка такова, что если бы Бейтс писал его во время русско-японской войны, война непременно была бы упомянута; но ни малейшего намёка на это в тексте очерка нет. Следовательно, очерк был написан после 10 декабря 1898 г., но до 9 февраля нового стиля 1904 г. (начала русско-японской войны).

Являясь специалистом в области транспортных систем, Бейтс начал свою профессиональную деятельность на должности помощника инженера крупнейших американских железнодорожных компаний «Норзерн Пасифик» (Northern Pacific) и «Орегон Пасифик» (Oregon Pacific). Затем он занимал должности инженера-подрядчика и руководителя при реализации ключевых проектов по сооружению трансконтинентальных железнодорожных магистралей. Национальную известность в США Бейтс получил благодаря своему участию в проектировании Панамского канала, когда в начале 1905 г. он подготовил подробный технический отчет, который содержал критику проекта и произвел впечатление на президента Т. Рузвельта. Президент запросил экспертную оценку предложенных вариантов⁴. Генерал-майор П. Хейнс отвечал на обвинения, выдвинутые Бейтсом в книге «Кризис в Панаме»⁵, утверждая, что критика преувеличена и необоснованна⁶. Вместе с тем, альтернативный вариант Бейтса рассматривался в 1906 г. в отчете Консультативного инженерного совета Комиссии по Панамскому каналу и его предложения были учтены в проектировании канала⁷.

К началу XX в. консалтинговыми услугами американского инженера в сфере транспортного строительства пользовались правительства Бельгии, Великобритании и России. Он обрел всемирную известность благодаря масштабным проектам по строительству портов и углублению дна рек. Его рекомендации учитывались при реализации таких крупных проектов, как усовершенствование Антверпенского порта, расширение Суэцкого канала, а также повышение эффективности работы российских портов Черного моря. Специально по заказу российского правительства

⁴ Rogers J. D. The American Engineers that built the Panama Canal // Engineering the Panama Canal: a centennial retrospective: proceedings of sessions honoring the 100th anniversary of the Panama Canal at the ASCE Global Engineering Conference 2014, October 7–11, 2014 / Ed. by B. G. Dennis Jr. Reston, Virginia: ASCE, 2014. P. 189.

⁵ Bates L. W. The Crisis at Panama (Reprinted from Engineering World, Nov. 30, Dec. 7, 14, 21, 1906. Vol. IV, nos. 25, 26, 27, 28). [Chicago], 1906. 35 p.

⁶ Letter from Peter C. Hains. [December 11, 1906]. Library of Congress Manuscript Division. Theodore Roosevelt Digital Library. Dickinson State University. URL: <https://www.theodorerooseveltcenter.org/digital-library/o55011> (дата доступа: 05.03.2026)

⁷ United States. Board of Consulting Engineers on Panama Canal. Report of the Board of Consulting Engineers for the Panama Canal. Washington, 1906. P. 26.

под руководством Бейтса был разработан мощный гидравлический земснаряд для проведения земляных работ по углублению морского и речного дна или землечерпалку, известную как «Американская драга». Земснаряд прошел успешные испытания на Неве и Финском заливе, после чего его проект был использован для создания аналогичных механизмов в других странах⁸.

Министр путей сообщения М. И. Хилков, говоривший о необходимости превращения Транссибирской магистрали в часть мировой транспортной системы, мог пригласить Бейтса с целью «изучения фарватеров рек и дна гаваней»⁹. Бейтс мог побывать в России в 1896 г. вместе со своим сыном Л. У. Бейтсом, который впоследствии в 1908 г. совершит путешествие по Транссибирской магистрали из европейской России в Китай. Это путешествие будет подробно описано младшим Бейтсом в его травелоге, изданном в 1910 г.¹⁰

Очерк не был опубликован ни в русской, ни в американской печати и представляет интерес как попытка комплексного осмысления внутренней и внешней политики Российской империи в свете особенностей ее исторического развития и геополитического положения. Рассуждения автора сопровождаются критическим переосмыслением, сложившегося в Европе и Америке образа России. Особое внимание заслуживают мысли инженера о том, как изменится роль России в связи со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали.

Таким образом, публикуемый источник впервые вводится в научный оборот. Он интересен тем, что автор очерка был знаком с некоторыми высокопоставленными чиновниками Российской империи и лично побывал в России. Всемирная известность инженера и его знакомство с представителями американского истеблишмента придают значимость представленному источнику.

RUSSIA¹¹

Americans travelling in Europe are constantly amazed at the ignorance which prevails as to the geography, the government and the economic forces of the United States. This ignorance we certainly reciprocate in regard to the internal conditions of Russia. In addition to our ignorance we have certain mental reserves. We look askance at things Russian and are wary – it is the land

⁸ *Bates L. W. International Navigation and its Interests in the Harbours and Canals of the World, and Means for their Improvement.* Paris, 1900. P. 12.

⁹ *Журавлева В. И.* Понимание России в США: образы и мифы: 1881–1914. М., 2012. С. 347.

¹⁰ *Bates L. W. Russian Road to China.* New York, 1910.

¹¹ В тексте сохранены пунктуация и правописание.

of absolute monarchy, and absolute monarchy must be but the euphemism for arbitrariness. Why, we mentally insist, does not Russia do as we do, govern as we govern, accept our ideals and our type of civilization?

We feel to her warmly and gratefully for the sympathy she has extended us, and for the practical and most valuable assistance she gave us in our hour of dire national peril. These things we never forget. For them we do make open and very deep acknowledgment. But Russia's very generosity makes to many the case only more mystical. Why, they ponder? Her acts show her to be fired, as ourselves, with the same noble emotions, the same strivings after light and righteousness. Her heart has beat to the call of the oppressed and she has helped the fight for freedom. Whence arise the contradictions? Failing to understand satisfactorily, many hold the Russian somehow still an alien - a being not quite within the pale of sympathy and of brotherhood.

In seeking to rectify this judgment, I will do it solely by comparisons. The criticism of things American, which is incidentally involved, is made in no unpatriotic spirit. America is to Americans the veritable Land of Promise, the country of God's chosen people. To the exile returning after years of pilgrimage, it is more than ever before the Beulah-land, the home of the most intellectual women, of the most unselfish and masterful men the world has yet known; the land of humanity's highest hope and of the race's loftiest ideals. But I feel strongly that we are wronging another noble race, a race akin to us in temperament, in prophetic dreams, in its destiny of Empire, and I would do a little toward bringing a truer conception of her conditions, that from our mental indorsement may come to her our moral support and the sympathy and helpfulness which as a great power we should extend.

In considering a nation, as in considering an individual, we must start with the natal forces - the origin elements. Next we must study environment. Out of these two will be evolved the history. In the case of America we find what - first, that it was a colonization, a transplantation. We came into virgin Conditions. We came into a land where the occupying inhabitants were recognized at once as unassimilable, where they served to strengthen but not to change the national character. Through them, for a century perhaps, there was serious danger to the general commonwealth. After that it was a question of injury solely to sections, and these, even, early in our history ceased to be ominous.

We came into possession of lands incidentally after the French and Indian War; we have since had our local fights with the Indians over tracts, and we fought with Mexico over a question of territory. But the later Indian fights never involved any doubt as to issue, and the Mexican War took place all without our borders. The vast bulk of our domain we have come into peacefully, by purchase or settlement; and never at any time has territorial question involved our national existence, nor have we been without a recognized, universally

supported and popularly acceptable central government. Even in the secession there were strong governing centers, though there were then two in place of one, and even this condition prevailed for only the four years of the War.

We have then several points of departure. We were a transplanting to virgin conditions. We had from our foundation a strong and (barring two periods of less than a decade each) a universally acceptable central government. Next, we were transplanted to an isolated land, a land whose sea barriers were to us the strongest possible defense. We have had no powerful neighbors against whom must burn eternal watch fires, for two vast oceans have rolled in guardianship and we have been safe. Fifth, we have had from the beginning a nationality – a collective ideal and existence. English, Dutch, French, etc. contributed to our elements, but the difference between them was surface only and gave rise to no lasting antipathies. Our civilization has been Saxon – or at least, Northern. Sixth, we were the product of one tongue. The meaning of this fact to our future can scarcely be over estimated. From first to last, the English language has been our Mother language, our one universal, sovereign language. Peoples of all lands have drifted to us in the past century, but never for one moment has their speech become a rival to our English. This has meant that from the outset, from north to south and from east to west, we have had the greatest force that exists as unifier and amalgamator. It has meant also the success of the great public school system which has proved the Americanizer of our vast foreign populations. Through our schools these have become intelligent loyal citizens, and have left no ripple on the homogenous quality of our civilization. Next, we have had through our entire domain one code of laws. In Colonial times we had Britain's jurisprudence, and that the highest that existed. Later, we had our own Constitution, and nowhere in our domain was there a rival code. We have been, therefore, the product of one law.

Eighth, we have been the fruitage of one religion. We have had in our experience creeds without end. Some we inherited, many we originated, but these creeds were creeds only, and each vied with the rest in its claim to be supremely Christian. Indeed, in our founding we might almost assert that we were ultra-Christian, since we represented the advance guard of the great forces of the reformation. Ninth, we were born late in time, when Europe had lived through her dark ages and had gotten far into her renaissance. We were the privileged moral blossom of the highest European civilization. Edmund Burke in his address to Parliament in favor of the Colonies states particularly that one of the chief difficulties in the way of governing the provinces is their high intellectual quality. He dwells upon the disproportionate numbers of lawyers - men who dispute every prerogative and fight for every right with a comprehension that cannot be gainsaid. From our very birth, therefore, we have been the favored child of the centuries, a homogeneous people, isolated,

safe, one in our traditions, our history, our government, our language, our law, our education and our religion.

Let us see now how many of our blessings were the birth right of Russia.

In the first place, she is not a transplanting to virgin conditions, but stands from the very earliest times right across the path of the incessant incursions from the Asian Plains to the plains of Europe. She comes up with the rest of Europe from the dark ages, except that long after the darkness has cleared from the face of the west it remains settled upon her. You remember that two of the epoch-making battles of history are those in which Charles the Hammer turns back the Moslem forces into Spain (732) and that in which the Austrians and Poles drive the Turks across their border (1683). Why? Because in each case Europe is saved from the incursion or the dominance of a foreign race or a foreign religion. "Europe saved to Christianity" is the philosophy of both deliverances. But Russia in her very cradle, before she had learned to speak, let alone to stand, went under the dominance of the Mongol – an alien in religion, and an alien in race. The Islam rule in Spain demonstrated that, dread as would have been the last estate of a Moslem Europe, it would have been temporarily one of greater enlightenment and justice than that which prevailed; but in Russia Tartar dominion was the dominion of blank barbarism. We have had in our modern experience a taste of the presence simply of a foreign race. In the case of the modern Chinese, we had an industrious, peaceful class, forming in a circumscribed community our lowest grade of labor. Yet our Government rose and barred them out as a bane to our civilization. In the South we have another foreign factor, again our lowest grade of labor; and at the present moment, after nearly half a century of the best efforts to make the African a desirable citizen, we have a convention of picked leaders discussing seriously the practicability of deportation for the African millions, and failing this, the abolishing of the fifteenth amendment.

An alien is a being very hard of assimilation, and it is well that it is so. Russia in her first infancy had a foreign race, not as servile members of her humble labor, but in the wild fierce scourge of conquerors. In 1224 the Mongols swept down upon the Russian plains. There were no mountain fastnesses from which the sparse population could defend itself, and the followers of Dchingis Khan, the Terrible, and Tamerlane, through the years that followed destroyed town after town, – Bolgari, Suzdal, Yoraslav, Tver, Moscow, Kiev, devastated Volhynia and Galicia, till all Russia, except Novgorod, was brought under Mongol rule. The victors founded Sarai on the Volga. There for two centuries their sovereigns ruled, and here from being pagan they became adherents of Islam. To these Russia made humiliating homage and paid tribute, and from their Khans the Tsar received permit of rule. Russia had, therefore, a barbarian, foreign master confirmed in a religion as foreign as the race. Fortunately, in

large measure, the same difficulties of amalgamation existed then as now. But some Tartar influence surely got into Russian blood. Many Russian princes married into noble Mongol families, and Mongol officers formed alliances with the Russian boyars, and the Moscovite nobility became more pronouncedly Oriental. It had already grown into strong Oriental proclivities from contact with its southern neighbor, the Turk, and these proclivities became confirmed under the Mongol. One Tsar, at least, Boris Godunov, was of Tartar birth.

Through this dismal period we have incessant wars. Alexander Nevski of Novgorod, beats back the Swedes, but he also goes with his tribute to the Khan and the whole country is prostrate. Bye and bye she begins to rally and strengthens her centers – Novgorod, Kiev, Vladimir. Moscow arises – that small destiny city where Simon the Proud even in vassalage dared to dream of a unity, a nationality, – and takes the title of “Prince of all the Russias.” His grandson makes the first great stand against the Mongols and wins in the field of Tula, which, with the fight of Alexander Nevski, gives to chroniclers and bards their early Russian epics. Moscow is punished cruelly and razed almost to the ground, but the “bear” in her is aroused; she is goaded into desperation; and again she reels to her feet and for nearly a hundred years she fights, she loses, she falls; but she rises and she fights forever, and at last the power of the Tartar terror is broken and the tyrant is driven over her border. Still, for a hundred years more, she is forcing back his inroads and rescuing the winding trains of her children, toiling over the southern steppes to be sold as slaves at Kaffa. This is Russia in the last quarter of the sixteenth century.

What is Europe? She had had of old her incursions of barbarians. They had wiped out Roman civilization, and had brought her to chaos. It had taken her nearly a thousand years to grope her way back out of that outer darkness. Twice since she had been threatened: on the east by the Arabian hordes, on the west by the Turks, but neither meant the return to complete savagery which would have been involved in the ravages of the hordes of the Tartar. That she was spared this relapse she owes to the Slav. Through those crucial centuries when the Slav, weak, torn, anguished, beset with foes around and foes within, was standing grimly in the perilous portal of civilization, Europe within the temple, safe by his grace was privileged to work up into light, to cement her nationalities, to effect the liberation of her masses, and to develop her intellect into the magnificent promise of a printing press, a people’s bible, and a Shakespeare.

But to the brave warden of that portal there was not the sweetness and the light. For him were the seams and scars, the mutinous passions of the strife. For him were the memories of subjection and the blood of contention; but also in relief, to him were the stolid patience and endurance which were to serve him so well. He was back in his dark ages yeti, heir only to a barbaric experience.

Here he must start, where Europe had started nearly a thousand years before, where America in the favor of Providence had never been called upon to start. And he groped along in the shadow until the coming of the Great Peter. But now arose a man. He, too, had dreamed the dream of Empire – vast, masterful. He set about making his dream real. He found Russia a small inland state, torn by faction, barbarian and Asiatic. Though himself the descendant of a long line of Asiatics, he saw with the insight of genius, and he knew that that way did not lie greatness. Therefore, fully and fiercely, he broke with the past and set himself to the future. Between him and that future stood the strelsi and the walls of the Kremlin, and the Red Square told the doom of barring conservatism. Then he lay about him for territory. He warred with the Turk, he fought the Cossack, he routed the Swedes, again and again; taking whole provinces on his Baltic outlet and securing the beloved Neva. He embroiled himself with Persia, and through Baku opened a way to the Caspian. Then with a high hand he swept out the customs that made for Orientalism. He broke the seclusion of women, the prostrations, banished the caftan, the beard and the flowing robes. He lifted his people bodily and violently out of their fetters and set them down face front to a new order. The Russia which he received a province, he left an Empire. The Russia he had received Asiatic, he left European, and already a force in Europe. And when of his own blood arose one – a reversal – who would undo the herculean labor of this master-builder, who would give back to Sweden those priceless, wave-washed Baltic provinces, and, restoring the Capital to Moscow, return to an Oriental estate, the patriot was stronger than the father, and at the price of his son's life he bought the progress of Russia. Here in this man who died in 1725 we can truly say Modern Russia begins.

We were born modern; Europe had had a thousand years in which to become modern; Russia violently, with her elements all unadjusted, leaped into modernity, and now with her past vividly before us, having seen what is her initial force, let us note her rate of advance up to the present. From it we can measure somewhat her national momentum, and we can gauge what her future is likely to become.

1st. America, the republic of the world, had by 1862 advanced to where she was ready to proclaim the freedom of the slave. She did it at a cost of the deadliest fratricidal war in history, and the ruin of one-half her people. Russia, in 1861, freed her serfs peacefully, with the consent of the masters, upon payment of a just equivalent. She made provision for the freed people, supplying them with allotments of land by which they might become really independent and self-supporting.

2nd. In the course of our favored national life, we have possessed ourselves of a territory 3,264,900 square miles in area, the vast preponderance of which we have got by no effort beyond settlement or purchase. Russia has made

herself an Empire exceeding 8,500,000 square miles, almost all of which she has had to win at the point of the sword. We have acquired a population of 70,000,000; Russia has one of 120,000,000.

3rd. We, being a commercial race, in a country compact and well peopled, of enormous rapidity in material growth, have had the advantage of wealth and vast internal improvements. Our interstate commerce exceeds that of the whole of the rest of the world put together. Russia in her great area has had a sparse population. The country has not, like us, been able to lay the rest of the world under teeming contribution to her citizenship. She has had only her slow natural increase, and no such record as ours has been possible. The Slav is not commercial but agricultural. He has, therefore, necessarily remained poor, and has had a relatively very small resource to devote to what have proved our two greatest developing forces – internal improvement and education. From these two have come, we might almost claim, our very national temperament, – the keen, inventive, confident, masterful, business American, daring the largest enterprises and contemplating the earth but as an industrial field for his conquering. We realize in the light of our type how much the Russian has been handicapped by his inland situation, by his vast unpeopled stretches, by his agricultural habitat, and by the poverty which has so limited his internal development and his system of education. Notuonly has he entered upon his scheme of national works, but he has entered with a zest that is surprising. Despite his limitations, in the face of our invention and our competitive leveling, of all the world to-day, the country of the cheapest telegraph is not America, but Russia, and preeminently Siberia. The land of the cheapest railroad rate is Russia, and preeminently Siberia. Any emigrant expressing a genuine purpose of settling will be given, wherever he may select in Siberia, a liberal homestead and will be conveyed to it over the new Transsiberian road for the munificent sum of \$2.50. Here he is not alone given his homestead, but he is economically protected in it, in a provision for which our middle western farmer might well solicit our home authorities.

Siberia is to be under a railroad system by which the settlers of their Nebraska or Dakota will forfeit no more margin of profit in transport to a market than will the settler of Siberian Western New York. How much of middleman charge and freight tax might have been saved our distant farmer, and how much of mortgage averted had the Russian but introduced here the provisions of its transportation.

As to the other element, the lack of an adequate educational system, we can deplore it no deeper than do the Russian authorities themselves. More is being done gradually as the revenue admits, but Russian income, like the income of every other European state, is consumed by that Minotaur, the army. Of all Europe, too, Russia and England are the only countries in which an American

conscience can find any valid warrant for the army. England has her foreign possessions – India, South Africa, Egypt; she is there almost in the open character of conqueror, and must be ready to maintain herself. In Germany, France, Italy, etc., where the army exists solely to keep each country from flying at its neighbor's throat, we have little sympathy with the point of view. But Russia is at the threshold only of amalgamation; she has yet within her borders many elements of uncompromised barbarism. She has conquered provinces where yet assimilation is secretly and even openly opposed. Russia, if for her internal safeguard alone, must have her army, and it must be efficient. She needs her schools, too, mightily, but there is coming to her now in a great wave the kind of education that made our West – the education of expansion, of the founding of towns, the planting of new industries, the building of new railroads, the opening of better navigation routes, the enlistment of foreign capital; all the intelligence and enlightenment that comes with a mighty industrial, commercial, material quickening. Her people will be for decades yet without the adequate training of schools. They will remain unlettered; but for fine forceful manhood, the men who are going to develop Russia's magnificent resources will be no whit behind the man whom our similar task begot.

We are constantly questioned in regard to the severities, brutalities and suppressions under Russian rule. As to the severities and brutalities, we have encountered nothing that would for a moment enter the lists in rivalry to the convict labor system of free Louisiana; nothing that stirs the horror of our almost continuous story of southern lynchings, the burning alive of negroes, and our recently revived hunting of criminals with bloodhounds. The happenings in fin de siècle America do not reflect the refined, humane civilization which our complacency proclaims, and to the outer world we are much less altruistic and humanitarian than we esteem ourselves.

Next, as to suppression. In considering America's natal elements, and the conditions of environment, we found them everywhere a force of safety, of strength and of unity; her isolation, the lateness of her birth, the oneness of language, law, education, religion, etc. In the case of Russia, on the contrary, we find every element a handicap. She is not protected by the ramparts of the sea, but surrounded on all sides by peoples with whom her history has been that of perennial conflict. She is born late in time, but not as a full fruition of a slowly ripened progress; she is late because shadowed by medieval darkness. In place of a compacted, well peopled country, she has an empire extending within the Arctic Circle to 77 deg. 40 min., to the torrid south to 35 deg. on the Afghan border. Her eastern and southeastern frontiers must be defended across vast, almost unpeopled stretches. Her northern and western frontiers are occupied by the Fins and Poles, loyal subjects beyond question, but unforgetful forever

of their own days of sovereignty, obstinately jealous for the memories and the prerogatives that are the legacy of that sovereignty.

I shall not touch upon the ethic questions involved in the original conquest of these two nations. It was the old, old story of the weaker going to the wall, the dominance of might. We have not ourselves been over scrupulous, you know, in the matter of those who barred our advance. Russia conquered her provinces, but she fostered their growth. We not alone conquered our Indian, we saw to it that we exterminated him. The Mormons were a relatively very small body, but we saw in their institutions an element hostile to our civilization, a menace to our foundations, and we put them down with a high hand, rightly and righteously. Today in the Philippines we are not stopping to ask much of the consent of the governed. So Russia, even in her ethic history has the good companionship of America.

In any nation, its very first duty to itself is that of safety; its second, that of unity. Suppose, for illustration, that all our Pacific territory north of California, had been wrested in war from some regnant power, different from ourselves in institutions, speech and laws, from whom we had stripped sovereignty while incorporating them into our autonomy: would we feel that they were likely to guard our border quite with the fervor and singleness we would expect of ourselves? And would we not feel that these border peoples must be Americanized at any cost? Yet, because Russia strives to Russify the Poles, we say tyranny! When our Southern States in defense of principles which even we allow were sacred, strove to disrupt the Union, we felt that we fought God's own fight in putting down the rebellion. But that Russia shall hold a strong authoritative hand over the elements that might ever threaten her disruption, seems to us a severity. Her very first obligation to herself in her entirety, in the very provinces where disaffection could ever become possible, is the duty of the firm, commanding, centralized authority with its "thus far shalt thou go, and no farther."

Its second imperative duty, as I have said, is its duty of unifying. Russia to-day is a land of four distinct races, divided into one knows not how many tribes, and of almost as many languages as tribes. Several of these last are still completely barbarous, and as foreign to each other as the Finns and the wild Khirghis; in religion, as the Catholic and the Mohammedan. One rarely stops to analyze such a situation. Suppose that in the Louisiana district the inhabitants maintained the French tongue, held sullenly to the memories of French sovereignty and adjudicated in much still by French laws. Suppose that in the old Spanish territories Spanish institutions remained enforced; in New York Dutch; in Oregon English, and in Alaska Russian. Would we not feel that our task was that of amalgamation at any cost; and would not our imperative imposition be the use of our national language and a single national code of

laws? In our latest dependency, the Philippines, and in our ward dependency, Cuba, what is our Press demanding as the very first institution? – ‘American schools, the introduction of the English language. To make an American Cuba or Philippines under a Spanish tongue is the last impossibility. But because Russia with her eastern problem ever living on her border, with her many tribes still wayward, strives to mould her Empire into national unity through the furnace of one law and one language, we criticise. For Finland, for Poland, just as truly as for Turkestan, is the truth true – that if the people are to become Russian, they must become such through the Russian language and the Russian law, and Russia’s irrevocable right is that her citizens shall be Russians.

In Austria the world has the spectacle of a land where the hand of authority begins to lack restraining vigor, and we can read there the internecine threat of rival races and rival tongues. How much direr would be the menace to polyglot Russia, were her master hand to relax. And as to representation, how fitted would such antagonistic elements be to legislate upon the central good? In the American negro we had enslaved a foreign Labor race; but our own whites, representing the bone and sinew of our country had never to rise from slavery. They were always a class, however poor, free, intelligent and reasonably fitted to exercise the ballot. In Russia, the serf was the man of her own blood; he was her population, her only labor class, the bone and sinew of her country. In the South, the negro, though enfranchised, brings no fit enlightenment into government; the intelligence of the white population is the South’s legislative salvation. In the light of the painful, toilsome growth of all races, is it not too much to ask that the masses of Russian peasants, scarcely forty years after their emancipation from serfdom, shall be ready for representative government, and shall have left to the ignorant and inexperienced decisions of their ballots the fateful management of a heterogeneous Empire?

In the fullness of time the Muscovite masses will be fitted for American prerogatives. Then, not now, may such be safely entrusted to them.

And we, with our ballots and universal suffrage, have we lifted ourselves into political or economic freedom? We have found nowhere in Russia a domination more absolute than that of our “bosses”; nowhere a corruption so open as that of many of our city governments. We have seen the Moujik, poor and unpossessed of a vote, but we have seen him helped by the national treasury to the possession of his land, bought from his over-lord by that National treasury; and small, as of necessity, has been his allotment, he has been protected in it against rapacity. In America we see what? – our laboring classes everywhere coming daily more and more under the power of Monopoly – a power which threatens to become the most controlling and inexorable the world has ever known. And on the other hand, behold the tyranny of labor.

Some years since a body of Belgian miners – some fifty with their families – were transferred from the collieries of the Meuse to the Donitz basin. Last year these miners at a meeting of the Directors' Board presented a memorial to this purport: "How happy are we who no longer belong in Belgium, but who live and work in Russia. On the day of pay we put our money in our pockets, and have it for our wives and our children. No longer "must we support the socialistic Committee."

I have said that the great awakener and enlightener of the Russian masses would be not primarily a system of schools, but the internal development to which the government has so vigorously set its hand. For her rivers she is seeking unhampered navigation; for her canals larger passage. Already the great Siberian line almost links the Baltic and Pacific; already on the southeast the tracks creep to the threshold of India. She is preparing for her future. And what a future! In studying the world's historic story, one comes to know that it is born of the world's commercial story – Egypt, Babylon, Phoenicia, Rome, Carthage, Venice, Genoa, Bruges, Amsterdam, London, New York, Chicago – it is all one; the centers have shifted, as discovery, or population, or development has altered the commercial conditions. Today the great centers are all outside Russia. But again today what is the greatest international question? – the opening of China – China and measurably India – the opening of the old, old world to the new. For this opening and distribution the first candidates are America and England. Now our age has proved beyond cavil one thing: that of two possible carriers, the ship and the car – the car leaves its competitor almost out of the question. Man's supreme task is the annihilation of time and space. That which more nearly annihilates these two has the supremacy. In the case of indestructible produce, where cheapness of transport is the prime factor, the ship will always find its work; but this does not affect the truth or the law that where the two methods exist, commerce will seek train service rather than ship service. Our connection with the Orient is over sea irrevocably. We will have our share of Oriental trade, but it will never be the bulk of oriental trade. England, with her vast shipping interests, would become naturally the carrier for Europe. But trace the English ship. It must double Gibraltar to the Mediterranean, go through the Red Sea to the Indian Ocean, far around the southeast promontory into the Pacific, and north to China. Even to reach her own India, she has a vast water course. If in future competition she seeks to establish a rail route, it lies across the width of Europe to Constantinople, over the Dardenelles, across Asia Minor and Afghanistan to India. The distances are vast; the way lies through varied countries, and in part of the route through countries liable at any time to become hostile.

Russia, on the other hand, will have a rail route short, direct, commanding. I had from a report made to the Russian Government the exact mileage of all

these water and all these land ways. I regret that I cannot give them, for they were convincing. Further, the Russian roads lie all within her own territory, and therefore within her own control. The day must come when the great Asia-European center and distributing point will be not London, and not New York, but some Russian city – perhaps Moscow – Moscow the triumphant Chicago of an eastern destiny. And whenever that day comes, she will be, too, the Chicago of a teeming Eastland population. We have our Westland population, born of the great immigration waves that surged across the Mississippi, but there exists with us no more a new West, and the overstock of the hardy northern races must seek another home, – where shall it be? Africa, even in its favored southern section is of an ungenerous soil, not destined to a dense population. Further north the continent has a hot climate, and a hot climate has never been favorable to or fostering of the white race. The home will not be Africa. Australia has riming its sea a magnificent stretch of land where life is easy and promise safe of fulfilment. But behind the ridges lies the desert, and to make this blossom no science has availed. Australia has her marked limitations; she cannot become the world's last "West." Where shall it be? – that natural, fostering environment, that last splendid habitat for our adventurous Northern peoples? Already the pressure of population begins to be felt in Germany, already in Russia the land allotments are failing to support her Moujiks; the changing industrial conditions already crowd hard the poor of England; and even America in her cities begins to know what is condensation. Many eyes are turning to scan for the next Land of Promise, the land of opportunity and its reward, the land of the family and the home. And over there it lies in Siberia, in Middle Siberia, and the iron highway almost spans it. A little time! We are listening in the preceding hush, we see almost the gathering of the peoples, we hear almost the herald of the rush. A brief waiting and over to it shall sweep thousands and thousands and millions, just as with us they swept, building up the latest glorious Empire, a young, splendid Siberia over against a hoary China and India – the old which the new shall revive and shall redeem.

РОССИЯ

Американцы, путешествующие по Европе, постоянно удивляются невежеству, которое царит в отношении географии, политического устройства и экономической мощи Соединенных Штатов. Безусловно, в этом невежестве в отношении наших представлений о внутреннем положении России мы схожи с ними [европейцами]. В придачу к невежеству нам присуща определённая умственная ограниченность. С недоверием и настороженностью мы относимся ко всему русскому – это страна абсолютной монархии, а абсолютная монархия – это лишь эвфемизм для обозначения произвола. «Почему, – мысленно вновь и вновь спрашиваем мы себя, –

Россия не поступает так, как мы, не управляет так же, как мы, не принимает наши идеалы и наш тип цивилизации?»

Мы испытываем к ней теплые чувства и благодарность за сочувствие, которое она проявила к нам, а также за реальную и ценнейшую помощь, которую она оказала нам в час страшной национальной опасности. Мы никогда этого не забудем. Поэтому мы открыто и очень твердо признаём её вклад. Но именно самое это великодушие России делает данную ситуацию для многих еще более загадочной. «Почему?» – размышляют они. Ее поступки показывают, что подобно нам она движима теми же благородными порывами, тем же стремлением к свету и справедливости. Ее сердце билось в ответ на призыв угнетенных, и она помогала в борьбе за свободу. Откуда же такие противоречия? Не понимая этого в полной мере, многие по-прежнему считают русских чужаками – существами, не вполне достойными симпатии и братских чувств.

В стремлении исправить это суждение, я буду опираться исключительно на сравнения. Критика положения вещей в Америке, которая время от времени будет [на этих страницах], не продиктована каким-либо непатриотичным чувством. Америка для американцев – подлинная Земля Обетованная, страна богоизбранного народа. Для изгнанника, возвращающегося после долгих лет странствий, это как никогда прежде земля обетованная, обитель самых образованных женщин, самых бескорыстных и владеющих своим ремеслом мужчин, каких когда-либо знал мир; страна самых высоких чаяний человечества, самых возвышенных идеалов расы. Но я глубоко убеждён, что мы поступаем несправедливо по отношению к другой благородной расе, родственной нам по духу, по пророческим предначертаниям в ее имперском предназначении, и я хотел бы сделать хоть что-то, чтобы дать более точное представление о ее положении, чтобы наше мысленное одобрение обернулось для неё моральной поддержкой, сочувствием и действенной помощью, которые мы, как великая держава, обязаны ей оказать.

Рассматривая нацию, как и отдельного человека, мы должны начать с природных сил – факторов ее происхождения. Затем мы должны изучить окружающую среду. Из этих двух составляющих формируется история. Первое, что мы видим в случае с Америкой – это то, что она была результатом колонизации, пересадки. Мы попали в девственные условия. Мы пришли на землю, коренные жители которой были сразу признаны неспособными к ассимиляции и служили лишь укреплению, но не изменению национального характера. Из-за них, возможно на протяжении столетия, сохранялась серьёзная опасность для всего сообщества. После этого значимым оставался лишь вопрос ущерба в каких-то частных случаях, но

и эти угрозы уже на раннем этапе нашей истории перестали быть существенными.

Мы вступили во владение землями после войн с французами и индейцами; впоследствии у нас были локальные столкновения с индейцами из-за земли, и мы воевали с Мексикой из-за территориального вопроса. Однако последующие столкновения с индейцами никогда не вызывали сомнений относительно исхода конфликта, а Мексиканская война произошла за пределами наших границ. Подавляющую часть наших владений мы приобрели мирным путём – посредством покупки или заселения; и никогда территориальный вопрос не ставил под угрозу само существование нашей нации, равно как у нас никогда не было недостатка в признанном всеми, поддерживаемом и приемлемом для народа центральном правительстве. Даже во время сецессии существовали сильные политические центры, хотя их было два вместо одного, но такое положение сохранялось всего лишь в течение четырёх лет Гражданской войны.

Таким образом, мы имеем несколько исходных позиций. Мы были пересажены в девственные условия. С самого основания у нас было сильное и (за исключением двух периодов, каждый менее десятилетия) всеми признаваемое центральное правительство. Далее, мы были перенесены на изолированную землю, землю, чьи морские рубежи стали для нас наилучшей из возможных защит. У нас не было могущественных соседей, против которых приходилось бы постоянно поддерживать сторожевые огни, ибо два огромных океана накатывали свои волны, охраняя нас, и мы были в безопасности. В-пятых, у нас с самого начала была нация – коллективный идеал и способ существования. Англичане, голландцы, французы и другие внесли свой вклад в формирование наших основ, но различия между ними были всего лишь поверхностными и не порождали стойких антипатий. Наша цивилизация была саксонской – или по крайней мере северной. В-шестых, мы были продуктом одного языка. Значение этого факта для нашего будущего едва ли можно переоценить. С самого начала и доныне английский язык был нашим родным, нашим единственным всеобщим, главенствующим языком. В прошлом веке к нам стекались люди со всех земель, но ни на мгновение их речь не могла соперничать с английской. Это означало, что с самого начала, от Севера до Юга и от Востока до Запада, мы обладали величайшей объединяющей и сплачивающей силой. Это также означало успех великой системы государственных школ, которая доказала свою способность американизировать наши огромные иноязычные массы. Благодаря нашим школам они стали разумными, лояльными гражданами и не оставили ни малейшей шероховатости на однородном теле нашей цивилизации. Наконец, на всей территории у нас был единый свод законов. В колониальные времена у нас

была британская юриспруденция, которая была самой совершенной из существовавших. Позднее у нас появилась собственная Конституция, и нигде в наших владениях не было свода законов, противостоящего ей. Следовательно, мы были продуктом единого права.

В-восьмых, мы были плодом одной религии. В нашем опыте были многочисленные исповедания веры. Некоторые из них мы унаследовали, многие создали сами, но эти вероисповедания были всего лишь вероисповеданиями, и каждое соперничало с остальными в своём стремлении быть в высшей степени христианским. Более того, можно с уверенностью утверждать, что в момент основания мы были бы почти вправе утверждать, что мы ультрахристиане, поскольку представляли собой авангард великих сил Реформации. В-девярых, мы зародились поздно, когда Европа уже пережила свои темные века и далеко продвинулась в своём возрождении. Мы были наиболее совершенным в нравственном отношении цветком высочайшей европейской цивилизации. Эдмунд Бёрк в своей речи в Парламенте в защиту колоний, в частности, отмечает, что одной из главных трудностей в управлении провинциями является их высокий интеллектуальный уровень¹². Он подробно останавливается на непропорционально большом числе юристов – людей, которые оспаривают каждую прерогативу и борются за каждое право с такой исчерпывающей убедительностью, которую невозможно опровергнуть. Таким образом, с самого рождения мы были излюбленным чадом столетий – единым народом, изолированным, защищенным, единым в наших традициях, нашей истории, нашем управлении, нашем языке, нашем праве, нашем образовании и нашей религии.

Давайте теперь посмотрим, сколько из наших благ являются неотъемлемым правом России с момента её зарождения.

Прежде всего, она не является пересадкой в девственные условия, а с древнейших времён стоит прямо на пути непрерывных вторжений с азиатских равнин на европейские равнины. Она возникла вместе с остальной Европой из тёмных веков, с той лишь разницей, что еще долго после того, как над Западом рассеялся мрак, он сохранялся над ней. Вы помните, что двумя эпохальными битвами в истории являются та, в которой Карл Мартелл отбросил мусульманские силы в Испанию (732 г.), и та,

¹² Речь Эдмунда Бёрка, произнесенная в Палате общин Британского парламента 22 марта 1775 г. с целью внесения на голосование резолюции о примирении с американскими колониями, получила название «Речь о примирении с колониями». См.: Burke's speech on conciliation with the colonies (March 22, 1775) by Burke, Edmund, 1729–1797 / Ed. by Syle, Louis Du Pont, 1857–1903. Boston, New York: Leach, Shewell & Sanborn, 1895. P. 26.

в которой австрийцы и поляки изгнали турок за свои границы (1683 г.)¹³. Почему? Потому что в каждом случае Европа была спасена от вторжения или господства чужой расы или чужой религии. «Европа спасена для христианства» – таково значение обоих избавлений. Но Россия, находясь ещё в колыбели, прежде чем научилась говорить и умея разве что стоять, попала под власть монголов – чужаков по религии и по расе. Исламское правление в Испании показало, что, каким бы ужасным ни было последнее владение мусульманской Европы, оно одно время было местом большего просвещения и справедливости, чем какие преобладали тогда; но в России татарское господство было владычеством полного варварства. В нашем современном опыте мы ощутили, что означает одно только присутствие чужой расы. В случае с современными китайцами мы имели трудолюбивый, мирный класс, который в рамках ограниченного сообщества составлял низший слой нашей рабочей силы. Однако наше правительство выступило против и закрыло им доступ как угрозе нашей цивилизации. На Юге у нас есть другой иностранный элемент, опять же низший слой нашей трудовой силы; и в настоящий момент, после почти полувековых усилий сделать африканца достойным гражданином, мы наблюдаем съезд избранных лидеров, серьёзно обсуждающих целесообразность депортации миллионов африканцев, а в случае неудачи – отмену XV поправки к Конституции.

Чужеземец – существо, очень трудно поддающееся ассимиляции, и это к лучшему. Россия в ее раннем детстве столкнулась с чуждой расой, но не в качестве подневольных работников, смиренно выполняющих свой труд, а в качестве дикого, свирепого бича завоевателей. В 1224 г. монголы вторглись на русские равнины. Не было горных твердынь, за которыми немногочисленное население могло бы найти защиту, и последователи наводящего ужас Чингисхана и Тамерлана в последующие годы уничтожали город за городом – Булгар, Суздаль, Ярославль, Тверь, Москву, Киев, опустошили Волынь и Галич, пока вся Русь, за исключением Новгорода, не оказалась под властью монголов. Победители основали Сарай на Волге. Там в течение двух столетий правили их владыки, и здесь из язычников они превратились в приверженцев ислама. Этим владыкам Россия оказывала унижительные почести и платила дань, а от их ханов русский царь получал разрешение править. Таким образом, Россия имела варварского, чужеземного господина, исповедовавшего религию столь же чуждую, как и сама раса. К счастью, тогда во многом существовали те же трудности с ассимиляцией, что и сейчас. Но некоторое татарское влияние, несомнен-

¹³ В результате Великой Турецкой войны (1683–1699 гг.) между Османской империей и Священной лигой от турок была освобождена большая часть Центральной Европы и существенно ослаблена военная мощь Турции.

но, проникло в русскую кровь. Многие русские князья женились на представительницах знатных монгольских семей, а монгольские военачальники заключали союзы с русскими боярами, и московская знать становилась более ярко выраженной восточной. В результате контактов со своим южным соседом, турками, в нем уже проявились сильные восточные черты, и эти черты укрепились при монголах. По меньшей мере один царь – Борис Годунов – имел татарское происхождение.

В этот мрачный период мы наблюдаем бесконечные войны. Александр Невский из Новгорода дает отпор шведам, но в то же время отправляет дань хану, и вся страна повержена. Постепенно она начинает восстанавливаться с силами и укрепляет свои центры – Новгород, Киев, Владимир. Возникает Москва – тот небольшой судьбоносный город, где Симеон Гордый, даже находясь в вассальной зависимости, осмелился мечтать о единстве, о нации – и принимает титул «князя всея Руси». Его внук дает первое великое сражение против монголов и одерживает победу на поле под Тулой, что наряду с битвой Александра Невского подарила летописцам и бардам их ранние русские былины. Москву жестоко карают и сжигают почти дотла, но в ней просыпается «медведь»; она доведена до отчаяния; и снова она поднимается на ноги и почти сто лет сражается, терпит поражения, падает; но она поднимается вновь и сражается непрерывно, и, наконец, власть татарского террора сломлена и тиран изгнан за ее пределы. И все же еще сто лет она отбивает его набеги и спасает извилистые караваны своих детей, которые трудятся в южных степях, от того, чтобы быть проданными в рабство в Каффу. Такова Россия в последней четверти XVI века.

Что такое Европа? В давние времена она пережила нашествия варваров. Они уничтожили римскую цивилизацию и ввергли её в хаос. Ей потребовалась почти тысяча лет, чтобы нащупать выход из этого внешней тьмы. С тех пор ей дважды угрожали: с востока – арабские орды, с запада – турки, но ни то ни другое не означало возвращения к полной дикости, которая была следствием опустошительных набегов татарских орд. Тем, что она избежала этого рецидива, она обязана славянину. В те решающие столетия, когда славянство, слабое, истерзанное, страдающее от врагов вокруг и внутри, угрюмо стояло на опасном пороге цивилизации, пребывающая внутри храма Европа, спасенная его милостью, пользовалась привилегией пробиваться к свету, сплотить свои национальности, осуществить освобождение своих народов и развить свой интеллект до изумительных свершений – печатного станка, доступной народу Библии и Шекспира.

Но для храброго стража тех врат не было ни сладости, ни света. Его долей были шрамы и рубцы, мятежные страсти раздора. Его долей были

воспоминания о порабощении и кровь распрей; но также и утешением для него были непоколебимое терпение и выносливость, которые так хорошо ему послужили. Он вернулся в свои темные века, как йети, унаследовав только варварский опыт. Он должен был начать там, где Европа начинала почти тысячу лет назад, и где Америке, по милости Провидения, никогда начинать не приходилось. И она на ощупь пробиравалась во мраке до прихода Петра Великого. Но вот появился муж. Он тоже мечтал об Империи – огромной, могущественной. Он принялся воплощать свою мечту в реальность. Он застал Россию слабым, отрезанным от внешнего мира, раздираемым распрями, варварским и азиатским государством. Хотя он сам был потомком длинного рода азиатов, он обладал гениальной проныцательностью и знал, что этот путь не ведет к величию. Поэтому он решительно и яростно порвал с прошлым и устремился к будущему. Между ним и этим будущим стояли стрельцы и стены Кремля, а Красная площадь возвестила приговор косному консерватизму. Затем он обратил свой взор на [соседние] земли. Он воевал с турками, сражался с казаками, раз за разом разбивал шведов, захватывая целые провинции на Балтике и обеспечивая безопасность любимой Невы. Он ввязался в конфликт с Персией и через Баку открыл путь к Каспийскому морю. Затем твёрдой рукой он искоренил восточные обычаи. Он разрушил затворничество женщин, земные поклоны, запретил кафтаны, бороду и длиннополые одежды. Он поднял свой народ, насильственно и властно, вырвав его из оков и развернув лицом к новому порядку. Россию, которую он получил как провинцию, он оставил Империей. Россию, которую он принял азиатской, он оставил европейской и уже обладающей силой в Европе. И когда восстал и вознамерился всё отменить тот, кто был его же собственной крови; который пустил бы насмарку Геркулесов труд этого великого зодчего – вознамерился вернуть Швеции бесценные, омываемые волнами балтийские провинции и, возвратив столицу в Москву, откатиться назад к восточному укладу, – патриот оказался в нём сильнее, чем отец, и ценою жизни сына он заплатил за прогресс России. Мы можем с полным правом сказать, что именно с этого человека, умершего в 1725 г., начинается современная Россия.

Мы родились современными; у Европы была тысяча лет, чтобы стать современной; Россия же, со всеми ее неизменными основами, стремительно двинулась в современность. И теперь, имея перед собой яркое представление о ее прошлом и о том, каковы были ее изначальные возможности, давайте оценим темпы ее развития до настоящего времени. По ним мы можем в некоторой степени измерить ее национальный импульс и оценить, каким предстанет ее будущее.

Во-первых, Америка, великая республика, только к 1862 г. достигла той степени развития, когда оказалась готовой провозгласить свободу

рабам. Она добилась этого ценой самой кровопролитной братоубийственной войны в истории и разорения половины своего народа. Россия же в 1861 г. освободила своих крепостных мирно, с согласия помещиков, при условии выплаты справедливого возмещения. Она позаботилась об освобожденных людях, предоставив им земельные наделы, благодаря которым они могли бы стать по-настоящему независимыми и самообеспечивающимися.

Во-вторых, на протяжении нашего существования как самостоятельной нации мы завладели территорией площадью 3 264 900 квадратных миль, преобладающую часть которой мы получили не прилагая никаких усилий, кроме заселения или покупки. Россия создала империю площадью более 8 500 000 квадратных миль, из которых почти все пришлось завоёвывать силой оружия. Мы достигли численности населения в 70 000 000 человек; у России – 120 000 000.

В-третьих, будучи торговой нацией, в компактной и густонаселенной стране с огромными темпами роста материального благосостояния, мы имели преимущество, состоявшее в нашем благосостоянии и масштабных внутренних улучшениях. Наша внутренняя торговля между штатами превышает торговлю всего остального мира вместе взятого. Россия в большей своей части заселена редко. Эта страна оказалась неспособной использовать весь остальной мир для того, чтобы серьёзно нарастить число своих граждан. У неё был лишь свой собственный небольшой естественный прирост, и такой показатель, как у нас, был для неё невозможен. Славянин не коммерсант, а земледелец. Поэтому он неизбежно оставался беден и располагал сравнительно лишь очень небольшими ресурсами, которые мог направить на то, что оказалось двумя нашими величайшими движущими силами развития: внутренние улучшения и образование. Именно из этих двух факторов, можно почти утверждать, произошёл тот самый наш национальный характер – пронырливый, изобретательный, уверенный, властный, деловой американец, осмеливающийся на самые масштабные начинания и рассматривающий всю землю лишь как пространство для индустрии, которое он должен завоевать. В свете нашего собственного опыта мы осознаём, насколько русский был ограничен в своих возможностях внутриконтинентальным положением, обширными незаселёнными просторами, своим земледельческим укладом и бедностью, которая столь ограничивала внутреннее развитие его страны и системы образования. И всё же он не только приступил к своей программе национальных работ, но и приступил с удивительной энергией. Несмотря на все препятствия, при всей нашей изобретательности и при том, что наш уровень конкурирует с их [уровнем], из всех стран мира сегодня страна самого дешёвого телеграфа – это не Америка, а Россия, и прежде всего

Сибирь. Страна самых низких железнодорожных тарифов – это Россия, и прежде всего Сибирь. Любому эмигранту, выразившему искреннее желание поселиться в Сибири, будет предоставлен земельный надел, где бы он ни пожелал, и он будет доставлен к нему по новой Транссибирской магистрали за неслыханную цену в 2,50 доллара. Здесь ему предоставляется не только участок, но и экономическая защита, о чем нашему фермеру Среднего Запада очень следовало бы попросить власти у себя дома.

Сибирь должна быть покрыта железнодорожной системой, благодаря которой поселенцы тамошних Небрасок или Дакот потеряют при транспортировке на рынок не больше прибыли, чем поселенцы сибирского [аналога] западной части штата Нью-Йорк. От скольких посреднических сборов и транспортных налогов мог бы быть избавлен наш отдалённый фермер и скольких закладных удалось бы избежать, если бы русские всего лишь ввели у нас свои правила транспортировки!

Что касается другого фактора – отсутствия надлежащей системы образования, – то мы можем сожалеть об этом не более, чем сами российские власти. Для этого делается все более и более, насколько позволяют доходы, но российские доходы, как и доходы любого другого европейского государства, поглощаются тем же Минотавром – армией. Из всей Европы Россия и Англия – единственные страны, где американский разум может найти хоть какое-то оправдание для существования армии. У Англии есть свои заморские владения – Индия, Южная Африка, Египет; она ведет там себя почти открыто, как завоевательница и должна быть готова постоять за себя. В Германии, Франции, Италии и прочих странах, где армии существуют лишь для того, чтобы соседи не вцепились друг другу в глотку, они вызывают у нас мало симпатий. Но Россия находится лишь на пороге достижения внутреннего единства; в её пределах осталось ещё много необузданного варварства. У неё есть покоренные провинции, где ассимиляции противятся тайно и даже открыто. России, хотя бы ради внутренней безопасности, необходима армия, и она должна быть эффективной. Она также крайне нуждается в школах; однако ныне мощной волной к ней приходит то образование, которое создало наш Запад – образование, способствующее экспансии, основанию городов, устройству новых производств, прокладке новых железных дорог, открытию лучших судоходных путей, привлечению иностранного капитала; весь тот разум и просвещение, которые приходят с мощным промышленным, торговым и материальным подъемом. Ее народ еще десятилетиями будет оставаться без надлежащего школьного образования. Они останутся неграмотными; но по своей мужественности люди, которым предстоит развивать великолепные ресурсы России, ничуть не уступят тому человеку, которого породила аналогичная задача у нас.

Нас постоянно расспрашивают о жестокостях, зверствах и репрессиях русских властей. Что касается жестокостей и зверств, мы не сталкивались ни с чем, что хотя бы на миг могло сравниться с системой каторжного труда в свободной Луизиане; ни с чем, что вызывало бы такой же ужас как наша почти бесконечная история линчеваний на юге, заживо сожженных негров и недавно возобновившейся охоты на преступников с помощью собак-ищеек. Происходящее в Америке на исходе века не соответствует утонченной, гуманной цивилизации, которую мы самодовольно провозглашаем, и для внешнего мира мы гораздо менее альтруистичны и гуманны, чем считаем себя.

Далее, что касается подавления. Рассматривая особенности Америки и условия её происхождения, мы обнаружили, что все они являются фактором безопасности, силы и единства: её изолированность, позднее рождение, единство языка, права, образования, религии и т. д. В случае с Россией, напротив, мы видим, что каждый из этих параметров создаёт проблемы. Она не защищена бастионами морей, но со всех сторон окружена народами, история взаимоотношений с которыми была историей непрекращающихся конфликтов. Она рождается с опозданием, но не как полноценный плод медленно созревающего прогресса; она опаздывает, потому что была окутана средневековой тьмой. Вместо компактной, хорошо заселенной страны она представляет собой империю, простирающуюся от 77 градусов 40 минут северной широты за Полярным кругом до 35 градусов знойного юга на афганской границе. Ее восточные и юго-восточные границы должны быть защищены на обширных, почти безлюдных участках. На ее северных и западных границах находятся финны и поляки, безусловно верные подданные, но никогда не забывающие о временах своей независимости, с завидным упорством хранящие память и привилегии, являющиеся наследием их суверенитета.

Я не буду касаться этических вопросов, связанных с истинными причинами, приведшими к завоеванию этих двух наций. Это была старая-престарая история о том, что слабых бьют, а сильные господствуют. Мы сами, знаете ли, не были достаточно щепетильны в отношении тех, кто препятствовал нашему продвижению. Россия завоевала свои провинции, но она же способствовала их развитию. Мы не только покорили нашего индейца, но дело шло и к тому, чтобы истребить его. Мормоны были относительно малочисленной группой, но мы усмотрели в их институтах элемент, враждебный нашей цивилизации, угрозу нашим устоям, и подавили их железной рукой, с убеждением в своей праведности и правоте. Сегодня на Филиппинах мы не слишком утруждаем себя вопросом о согласии управляемых. Таким образом, Россия даже в своей этнической истории имеет достойного сотоварища в лице Америки.

У любой нации первым долгом перед самой собой является обеспечение безопасности; а вторым – обеспечение единства. Предположим, к примеру, что все наши тихоокеанские территории к северу от Калифорнии были бы отвоеваны в войне у некой могущественной державы, отличающейся от нас своими институтами, языком и законами, и у которой мы отняли часть её суверенных владений, включив эти земли в наш состав как автономию: разве думали бы мы, что они станут охранять наши границы с тем же рвением и самоотверженностью, на которые готовы мы сами? Разве не считаем мы, что эти приграничные народы должны быть американизированы любой ценой? Однако, когда Россия стремится русифицировать поляков, мы говорим: тирания! Когда наши южные штаты, защищая принципы, которые даже мы признаем священными, попытались разрушить Союз, мы чувствовали, что мы сражались за Божье дело, подавляя мятеж. Но то, что Россия твердой властной рукой сдерживает силы, которые могут угрожать ее распадом, кажется нам жестокостью. Ее первостепенная обязанность перед самой собой во всей ее целостности, именно в тех самых провинциях, где могло бы когда-либо возникнуть недовольство, – это обязанность твердой, внушительной, централизованной власти с ее принципом «доселе дойдёшь и не перейдёшь»¹⁴.

Второй ее важнейший долг, как я уже говорил, – это долг унификации (*unifying*). Россия сегодня – страна четырех различных рас, разделенных на столько племен, сколько лишь Бог знает, и почти столько же языков, сколько племен. Некоторые из последних все еще совершенно дики и чужды друг другу, как финны и дикие киргизы; а в религии – как католик и магометанин. Редко кто задумывается над анализом подобной ситуации. Предположим, что в одном из округов Луизианы жители сохранили бы французский язык, угрюмо храня воспоминания о французском владычестве и во многом по-прежнему руководствуясь французскими законами. Предположим, что на старых испанских территориях продолжали бы действовать испанские институты; в Нью-Йорке – голландские; в Орегоне – английские, а на Аляске – русские. Разве мы не почувствовали бы, что наша задача – это слияние воедино любой ценой; и разве не стало бы нашим первоочередным требованием использование нашего национального языка и единого национального законодательства? Что

¹⁴ Возможно, имелась в виду цитата Чарльза Стюарта Парнелла (Charles Stewart Parnell, 1846–1891 гг.) – ирландского политического деятеля, лидера движения за самоуправление Ирландии: «Никто не имеет права устанавливать границы для нации, никто не может сказать своей стране: „Доселе дойдёшь и не перейдёшь“». Вероятно, цитата из Иов 38:11 (New American Standard Bible: “And I said, ‘Thus far you shall come, but no farther; And here shall your proud waves stop’?” Иов 38:11 – Иов 38:11). Подробнее см.: Bew P. C. S. Parnell. Dublin, 1980. P. 70.

в первую очередь требует ввести наша пресса на Филиппинах, недавно ставших нашей новой зависимой территорией, и на Кубе, нашей подопечной территории? – Американские школы, введение английского языка. Сделать американскими Кубу или Филиппины при господстве испанского языка – это невозможная задача. Но когда Россия со своей проблемой, постоянно существующей на восточной границе, со своими все еще своенравными племенами стремится перековать свою Империю в национально единую через горнило единого права и единого языка, мы критикуем это. Для Финляндии, для Польши истинная правда, такая же верная, как и для Туркестана, состоит в том, что, если народ должен стать российским/русским, он должен стать таковым посредством русского языка и русского права, и неотъемлемое право России состоит в том, что её граждане должны быть русскими.

В Австрии мир видит страну, где рука власти утрачивает свою сдерживающую силу, и мы можем наблюдать нарастающую там угрозу междоусобной розни противоборствующих рас и языков. Насколько более ужасной была бы угроза для многоязычной России, если бы ее властная рука ослабила свою хватку! Что касается представительства, насколько уместными были бы такие антагонистические элементы для принятия законов, направленных на достижение общего блага? В лице американского негра мы [в своё время] поработили иностранную трудовую расу; но наши собственные белые, представляющие собой основу нашей страны, так и не смогли освободиться от рабства. Они всегда были классом хоть и бедным, но свободным, образованным и в разумных пределах способным участвовать в выборах. В России крепостной был человеком своим по крови; он был ее населением, ее единственным рабочим классом, костью и мускулом ее страны. На Юге негры, хотя и наделены избирательным правом, не привносят во власть должного просвещения; интеллект белого человека является спасением для законотворчества Юга. В свете сложного, трудного развития всех рас, не слишком ли многого мы ожидаем от массы русских крестьян, всего лишь 40 лет назад освобожденных от крепостной зависимости, – чтобы они были готовы к представительному правлению, и чтобы результаты голосования этих невежественных и неопытных избирателей могли быть положены в основу важнейших решений в управлении этой разнородной Империей?

Когда настанет полнота времён¹⁵, массы москвитов будут готовы к американским прерогативам. Тогда, но не сейчас, можно будет смело доверить им это.

¹⁵ Отсылка к посланию Апостола Павла (Гал. 4:4).

А мы с нашим голосованием и всеобщим избирательным правом – разве мы возвысились до политической или экономической свободы? В России мы нигде не нашли более абсолютного господства, чем господство наших «боссов»; нигде коррупция не была такой открытой, как во многих наших городских администрациях¹⁶. Мы видели мужика, бедного и не обладающего правом голоса, но мы видели, как государственная казна помогала ему вступить во владение землей, выкупленной у его господина за счет ее субсидий; и каким бы малым ни был его надел, что было неизбежно, он был защищен в нем от алчности. Что мы видим в Америке? – наши трудящиеся классы повсюду с каждым днем все больше и больше попадают под власть монополии – власти, которая угрожает стать самой удушающей и безжалостной, которую когда-либо знал мир. А с другой стороны, мы наблюдаем тиранию труда.

Несколько лет назад группа бельгийских шахтеров – около пятидесяти человек с семьями – была переведена с угольных копей Мааса в Донецкий бассейн. В прошлом году эти шахтеры на собрании Правления представили меморандум примерно такого содержания: «Как счастливы мы, что больше не принадлежим Бельгии, а живем и работаем в России. В день полочки мы кладем деньги в карман, и оставляем их у наших жен и детей. Нам больше не нужно “поддерживать социалистический комитет”».

Я уже говорил, что великим пробуждением и просвещением русских масс стала бы не столько система школ, сколько внутреннее развитие, к которому правительство так энергично приложило руку. Оно добивается беспрепятственного судоходства по своим рекам; расширения пропускной способности своих каналов. Великая Сибирская магистраль уже почти соединяет Балтику и Тихий океан; на юго-востоке железнодорожные пути уже медленно подтягиваются к порогу Индии. Она готовится к своему будущему. И какому будущему! Изучая мировую историю, понимаешь, что она порождена мировой коммерческой историей – Египет, Вавилон, Финикия, Рим, Карфаген, Венеция, Генуя, Брюгге, Амстердам, Лондон, Нью-Йорк, Чикаго – все это единое целое; центры смещались по мере того, как открытия, рост населения или развитие меняли условия торговли. Сегодня все крупные центры находятся за пределами России. Но сегодня, какой вопрос международной политики является важнейшим? – открытие Китая – Китая и, в определенной степени, Индии – открытие старого-престарого мира новому. Первыми претендентами на это открытие выступают Америка и Англия. Наш век неопровержимо доказал, что если выбирать из двух возможных транспортных средств – корабля и же-

¹⁶ Об эффективности работы городского самоуправления в России см.: *Воронич Т. В.* Городовое положение 1870 г. как источник по истории благоустройства городов Российской империи // *Вспомогательные исторические дисциплины.* 2019. Т. 38. С. 286–304.

железнодорожного вагона – то железная дорога оказывается вне конкуренции. Высшая задача человека – преодоление времени и пространства. Преимущество остаётся за тем, что в большей степени преодолевает эти два фактора. В случае с непортящимися товарами, где дешёвизна транспортировки является главным фактором, корабль всегда найдет себе применение; но это не отменяет того закона, что при наличии обоих способов транспортировки торговля отдаст предпочтение железнодорожным, а не морским перевозкам. Наши связи с Востоком – по морю, это не подлежит изменению. У нас будет своя доля в торговле с Востоком, но эта доля никогда не будет основной. Англия с ее огромными судовладельческими интересами могла бы естественным образом стать перевозчиком для Европы. Но проследим путь английского судна. Оно должно пройти через Гибралтар до Средиземного моря, пройти через Красное море в Индийский океан, пройти далеко вокруг юго-восточного мыса в Тихий океан, а затем на север, в Китай. Чтобы добраться даже до собственной Индии, ей предстоит преодолеть огромный водный путь. Если в будущем, в порядке конкуренции, она [Великобритания] попытается проложить железнодорожный маршрут, он проляжет через всю Европу до Константинополя, через Дарданеллы, через Малую Азию и Афганистан в Индию. Расстояния огромны; путь пролегает через различные страны, и часть маршрута проходит по странам, которые в любой момент могут стать враждебными.

Россия же, напротив, будет иметь короткий, прямой и доминирующий железнодорожный маршрут. Из доклада, представленного российскому правительству, я получил точные данные о протяженности всех этих водных и сухопутных путей. Сожалею, что не могу их привести, ибо они были убедительны. Кроме того, все российские дороги находятся на ее собственной территории, а значит, и под ее контролем. Настанет день, когда великим азиатско-европейским центром и распределительным пунктом станет не Лондон и не Нью-Йорк, а какой-нибудь российский город – возможно, Москва – Москва, триумфанта наподобие Чикаго в судьбе Востока. И когда бы этот день ни настал, она также станет Чикаго для многолюдного населения восточных земель. У нас есть наше западноамериканское население, рожденное великими иммиграционными волнами, которые хлынули через Миссисипи, но у нас больше нет нового Запада, и избыток выносливых северных народов должен искать другой дом – где же он будет? Африка, даже в своей предпочитаемой южной части, имеет скудную почву, не предназначенную для плотного населения. Дальше на север континента жаркий климат, а жаркий климат никогда не был благоприятен для белой расы и не способствовал её развитию. Домом будет не Африка. Австралия может похвастаться великолепной полосой земли,

протянувшейся вдоль моря, где жизнь легка и все надежды сбываются. Но за горными хребтами лежит пустыня, и никакая наука не в силах заставить её расцвести. У Австралии есть свои существенные ограничения; она не может стать последним «Западом» мира. Где же он будет – это естественное благоприятное окружение, эта последняя великолепная среда обитания для наших предприимчивых северных народов? В Германии уже сейчас начинает ощущаться давление из-за чрезвычайной плотности населения, а в России земельные наделы уже перестают обеспечивать её мужиков; меняющиеся промышленные условия уже сейчас сильно давят на английскую бедноту; и даже в городах Америки начинают понимать, что такое скученность. Многие устремили свои взгляды в поисках другой Земли Обетованной, земли возможностей и дарованных ею плодов, земли семьи и домашнего очага. А она лежит там – в Сибири, в Средней Сибири, и железнодорожная магистраль почти пересекает её. Подождём немного! Мы вслушиваемся в отступающую тишину, мы уже видим Великое переселение, мы уже слышим вестника грядущего натиска людского потока.¹⁷ Еще недолго – и туда хлынут тысячи, тысячи и миллионы, точно так же, как хлынули они к нам, создавая новейшую славную Империю – молодую, великолепную Сибирь на фоне седых Китая и Индии – на фоне старого, которое будет этим новым возрождено и искуплено.

ИСТОЧНИКИ

Архивные:

РГИА. Ф. 1101 (Документы личного происхождения, не составляющие отдельных фондов). Оп. 1. Д. 948.

Опубликованные:

Bates L. W. The Crisis at Panama (“Reprinted from Engineering World, Nov. 30, Dec. 7, 14, 21, 1906. Vol. IV, nos. 25, 26, 27, 28). [Chicago]. 1906.

Bates L. W. Russian Road to China. New York: Houghton Mifflin Company, 1910.

Bates, L. W. International Navigation and its Interests in the Harbours and Canals of the World, and Means for their Improvement. Paris: Imprimerie Paul Dupont, 1900.

Burke’s speech on conciliation with the colonies (March 22, 1775) by Burke, Edmund, 1729–1797 / Ed. by Syle, Louis Du Pont, 1857–1903. Boston, New York: Leach, Shewell & Sanborn, 1895.

United States. Board of Consulting Engineers on Panama Canal. Report of the Board of Consulting Engineers for the Panama Canal. Washington: GPO., 1906.

¹⁷ Здесь сравнение с Золотой лихорадкой.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Letter from Peter C. Hains. [December 11, 1906]. Library of Congress Manuscript Division. Theodore Roosevelt Digital Library. Dickinson State University. URL: <https://www.theodorerooseveltcenter.org/digital-library/o55011> (дата доступа: 05.03.2026)

БИБЛИОГРАФИЯ

Воронич Т. В. Городовое положение 1870 г. как источник по истории благоустройства городов Российской империи // Вспомогательные исторические дисциплины. 2019. Т. 38. С. 286–304.

Журавлева В. И. Понимание России в США: образы и мифы: 1881–1914. М.: РГГУ, 2012.

Bew P. C. S. Parnell. Dublin: Gill & MacMillan, 1980.

Death of Major General Peter C. Hains // *The Military Engineer*. 1922. Vol. 14. No. 73. Pp. 6–48.

Rogers J. D. The American Engineers that built the Panama Canal // Engineering the Panama Canal: a centennial retrospective: proceedings of sessions honoring the 100th anniversary of the Panama Canal at the ASCE Global Engineering Conference 2014, October 7–11, 2014 / Ed. by B. G. Dennis Jr. Reston, Virginia: ASCE, 2014. Pp. 112–349.

REFERENCES

Bew P. C. S. Parnell. Dublin: Gill & MacMillan, 1980.

Death of Major General Peter C. Hains // *The Military Engineer*. 1922. Vol. 14. No. 73. Pp. 6–48.

Rogers J. D. The American Engineers that built the Panama Canal // Engineering the Panama Canal: a centennial retrospective: proceedings of sessions honoring the 100th anniversary of the Panama Canal at the ASCE Global Engineering Conference 2014, October 7–11, 2014 / Ed. by B. G. Dennis Jr. Reston, Virginia: ASCE, 2014. Pp. 112–349.

Voronich T. V. City Regulations of 1870 as a source on the history of urban development in the Russian Empire // *Auxiliary Historical Disciplines*. 2019. Vol. 38. Pp. 286–304 (in Russian).

Zhuravleva V. I. Understanding Russia in the USA: Images and Myths: 1881–1914. Moscow: RGGU, 2012 (in Russian).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РГИА – Российский государственный исторический архив